

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 31, Is. 3, pp. 27–35, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-31-3-27-35
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47).083

The Russo-Tuvan Conflict of 1908

Ayana A. Samdan¹

¹ Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Head of Department of History, Tuvan Institute for Humanities and Applied Socio-Economic Research (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: camayana@rambler.ru

Abstract. With evidence from Russian and Mongolian languages archival documents, the article studies the life of one of Tuva's famous historical figures, Haidyp (1859–1909), the ruler of Khemchik Khoshun (Tuv. 'district', 'district') of Tuva, a religious and political figure.

Haidyp was born in 1859 in the Khemchik valley to the noble and wealthy family of Ak-Mongush. The nomadic territories of the villagers of Ak-Mongush or Ulug-Mongush 'stretched from Chaa-Khol to the river Ayangaty, from the river Khemchik to Khandagayty'.

On 1 August 1895, the Uliyasutai *Jian-Jun* (Chin. 'military governor') appointed *Meeren* (Tuv. 'court official') Haidyp as the Governor of Khemchik Khoshun. A khoshun ruler possessed all power within his khoshun, including judicial, military, financial, administrative power. A khoshun ruler wore a blue ball and a one-eyed peacock feather on his hat.

In the early 20th century, Haidyp petitioned the Uliyasutai Governor to allow for independent administration due to the fact that the population of Khemchik Khoshun had reached almost 10 000 people or 2 013 yurts, and in view of the remoteness of the Tuvan Ambyn-Noyon's Office. On 19 November 1901, the petition was approved by the Ministry of Ranks. In Uliyasutai Haidyp received the symbol of princely dignity — a coral ball worn by a first-class official — and a seal.

In 1901, the *Dzaisans* (Tuv. 'prince') of 17 Tuvan *otoks* (Tuv. 'municipality') who had been subordinates of Sandagdorzhi, the Governor of Sain-Noyon Aimag of Mongolia, filed a petition to join and 'become governed by the Bugdiyin-Darga of Khemchik Khoshun'. Only in 1908 — due to the insistence of the 17 Tuvan Dzaisans — their otoks were brought under the administration of Khemchik Khoshun of Tuva.

In 1906, seeking for asbestos, an expedition headed by the Usinsk Border Chief V.A. Alexandrovich and mining engineer of Minusinsk District Volkonsky appeared in the Khemchik valley on Mount Edegey. Haidyp prevented their further activities in the territory of his khoshun. He also resisted asbestos mining developments in the Khemchik by the French, 'despite the legality of the concession obtained by the French company in Beijing and Uliyasutai'.

In April 1908, Haidyp held a meeting attended by officials of the two khoshuns as well as Russian and Chinese merchants for the discussion of 'the status of the Russians in the Khemchik nomadic territories'. From then onward, Chinese traders were to receive trade licenses at the headquarters of the khoshun ruler, and no trade was allowed beyond the borders of the headquarters. In addition, it was decided to evict Russian citizens who had no Tuvan stay permits (certificates) but the deportation was postponed until the beginning of the winter period.

On the Russian side, the Usinsk Border Chief, Governor-General of Irkutsk, diplomatic corps in Beijing and Uliyasutai, agents, as well as military officers were involved to settle the problem.

Officials from Uliyasutai came to Tuva twice to investigate complaints of the Russian Consul. As a result of the inspection, it was decided to suspend the expulsion of the Russians and hold a joint meeting.

On 2 April 1909, Haidyp suddenly fell ill and died in 10 days. He was buried in 9 days in a specially built 'temple-tower'.

In the fourteen years of his rule, Haidyp was able not only to make his khoshun administratively independent but also to expand it territorially. Economic attractiveness, abundant natural resources, Russian colonization — all that exacerbated the already difficult situation in the khoshun. Thus, for some time Haydyp became a key figure in that geopolitical environment.

Keywords: Haidyp, khoshun ruler, conflict, Russian merchants, diplomacy, Qing authorities.

Введение

Впервые в литературе сведения о правителе Хемчикского хошуна Хайдыпе появились в работах русских ученых начала XX в. Интерес к Хайдыпу связан не только с харизматичностью его личности, но был продиктован развернувшимся конфликтом между ним и русскими властями. Одними из первых работ, в которых есть о нем упоминания, являются труды В. М. Родевича «Очерки Урянхайского края» [2014a] и «Урянхайский край и его обитатели» [2014b]. В них он дал, хотя и разрозненно, сведения о деятельности Хайдыпа, полученные в результате экспедиции в Туву в 1907–1909 гг. В последующем остальные авторы практически повторяли вслед за В. М. Родевичем. Неоценим вклад В. И. Дулова, который в своем фундаментальном труде «Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX в.)» значительно расширил имеющиеся данные: ввел в оборот новые архивные документы, обобщил факты, о правителе Хемчикского хошуна, собранные в результате полевых исследований [Дулов 1956].

Таким образом, была проделана определенная работа по накоплению, систематизации и осмыслению фактического материала.

Клан Хайдыпа

Хайдып родился в 1859 г. на Хемчике. Он принадлежал к одному из знатных, состоятельных семейств тувинского рода Ак-Монгуш. Кочевья сумона Ак-Монгуш, или Улуг-Монгуш, «простирались от Чаа-Холя до р. Аянгаты, от р. Хемчик и до Хандагайты» [Маннай-оол 1986: 95]. Существует легенда о том, что его прадеда еле живого нашли охотники в тайге Хан-Дээр. Он вырос среди монгушей и, став взрослым, взял в жены девушку из рода *Ондар*.

Отца Хайдыпа звали Чанжир-чангы (Чанчыыр, в некоторых источниках — Карапай), а мать — Долгаржав (Долгар). Известны следующие имена их сыновей: Мартан-мээрен, Сангы-чангы, Джибуку [Дулов 1956: 174] и Хайдып.

Клан Хайдыпа принадлежал к правящему сословию. Его дядя по материнской линии Дугер (Дугар) был правителем Хемчикского хошуна (1880–1890 гг.), родной отец Чанжир-чангы некоторое время исполнял обязанности правителя сумона, а двоюродный брат Монгуш Лопсан-Чамзы стал первым номинальным «Бандидо хамбо-ламой» Тувы. Сын Хайдыпа Буян-Бадыргы вошел в историю как один из основателей тувинского суверенного государства, был избран председателем Центрального Совета (правительства) Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.), а после занимал ключевые министерские посты. В 1929 г. Буян-Бадыргы был арестован по подозрению в контрреволюционной деятельности и весной 1932 г. расстрелян.

Долгаржав (Долгар)

О Долгаржав многое известно из работы В. И. Дулова. После скоропостижной смерти мужа в 1887 г. от ранений, полученных при падении с лошади, Долгаржав пришлось вернуться в свои родные кочевья: Бижикиг-Хая, Аянгаты и Каткалыг. Некоторые авторы утверждали, что Долгаржав являлась простолюдинкой, а Хайдып вовсе ее незаконнорожденным сыном [Кабо 2014: 430]. Последний «силою своего природного ума и при помощи денег» сумел пробиться в правящие слои общества. Это никак не соотносится с данными В. И. Дулова, по которым Долгаржав имела довольно большое хозяйство: 800 лошадей, 300 коров и быков, около 1 000 овец. Его обслуживали аалы

Арган-оола, Сайгаша, Опала, Адыр-Карака, Чолдак-оола, Аскака, Саин-оола, Кара-Баштыга и др., около 11 юрт, которые находились в непосредственной зависимости от Долгаржав [Дулов 1956: 192]. Скорее всего, они состояли в родственных отношениях с ней. Поскольку араты имели небольшое хозяйство, они брали на выпас ее скот, пользовались быками и лошадьми.

Хозяйство тувинцев носило натуральный характер, и зависимые араты выполняли все виды хозяйственных работ: ухаживали за скотом, выделывали шкуры, шили одежду и обувь, сеяли и убирали хлеб. Что касается последнего, то, по утверждению того же В. И. Дулова, «собственно пашен Долгар[жав] не имела, а получала хлеб от аратов, которым выдавала семена и скот для земледелия, а также распределяла оросительные каналы и земли для пахоты» [Дулов 1956: 193].

Кроме того, Долгаржав содержала торговую лавку, в которой продавался в основном китайский товар.

Она прожила до преклонного возраста. Известно, что она в 1911 г. вместе с внуком Буян-Бадьргы совершала паломничество к VIII Богдо-гэгэну.

Правитель Хемчикского хошуна

В Туве как на окраинной части Цинской империи сложилась сложная бюрократическая чиновничья структура. Правящее сословие совмещало гражданскую и военную функции: «Глава местной власти по сути действовал и как воинский начальник, и как чиновник-управленец. <...> Должностное лицо соединяло в своей персоне и войско, и канцелярию» [Непомнин 2005: 317].

Русские исследователи в основном не лестно отзывались о тувинских чиновниках. В частности, В. М. Родевич писал: «Урянхайские чиновники <...> оказываются людьми невысокого достоинства: они невежественны, корыстолюбивы и зачастую преданы пьянству». Он выделил только Хайдыпа, который «был умным и честолубивым политиком» [Родевич 2014а: 372], а в другом месте замечал, что он «заботился о своем народе, оберегал его интересы» [Родевич 2014б: 577]. Ф. Я. Кон писал о нем как о жестоком деспоте: «За малейшие оскорбления или невыполнение его приказа в назначенный им срок виновные, будь они даже высшие чиновники, подвергались телесному наказанию» [Кон 2014б: 450].

До своего назначения правителем Хемчикского хошуна Хайдып служил чиновником разного ранга: *аругсан-дзанги*¹, *дзайсаном*², *бижээчи* и *мээреном*³. В 1884 г. *аругсан-дзанги* Хайдып имел в собственности 210 лошадей, 200 коров и 2 000 овец [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 90. Л. 4]. Дважды, в 1884 и 1894 гг., его выдвигали как возможного претендента на должность правителя хошуна.

1 августа 1895 г. улясутайский *цзянь-цзюнь* своим приказом назначил *мээрена* Хайдыпа правителем Хемчикского хошуна [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 158. Л. 1]. В руках *угер-да*⁴ находилась вся власть внутри хошуна: судебная, военная, финансовая, административная. Хошунный правитель «носил на шапке синий шарик и одноглазое павлинье перо. При хошунных нойонах, или *огурда* (*угер-да*), действовали хошунные управления — *чызаан*. В их состав входили два помощника нойона по гражданским делам — *тузалакчи*, помощник по военным делам — *чагырыкчы*, два *мерена* (помощник *чагырыкчы*), два или четыре чиновника — *дужумета*. Каждый хошунный нойон имел медную печать с деревянной ручкой» [Маннай-оол 1986: 97]. Также при *угер-да* служили *бижээчи* (писари), «ни юридически, ни фактически не имеющие никакой власти и получающие таковую лишь на время исполнения возложенного на них поручения, причем степень их временной власти находится в строгой зависимости от важности этого поручения. Случается, что такому *бижээчи* подчиняется даже *джянга* (*чангы*)» [Кон 2014а: 328]. Также сюда можно добавить следующих чиновников: *аругсан-дзанги* и *чалана* — чиновника особых поручений.

Хайдып за сравнительно короткий срок смог не только устранить все внутривошунные противоречия, но и получил свой хошун в самостоятельное управление.

В самом начале XX в. Хайдып, обосновывая тем, что население Хемчикского хошуна достигло почти 10 000 чел. или 2 013 юрт, а также тем, что Управа амбын-нойона Тувы находится на достаточно отдаленном расстоянии, что затрудняет совместное решение дел по разным вопросам, ходатай-

¹ *Аругсан-дзанги* — *Аругсан* — замещающий, состоящий в резерве чиновник; *дзанги* (тув. *чаңгы*) — командир роты, гражданский управляющий сумона, начальник, управляющий, заведующий.

² *Дзайсан* — правитель рода.

³ *Мээрен* (*мерен*) — чиновник, ведающий судебными делами в пределах хошуна.

⁴ *Угер-да* (маньч.) — правитель хошуна.

ствовал перед улясутайским наместником о выделении его хошуна в самостоятельное управление.

19 ноября 1901 г. на совещании при Министерстве чинов обсудили прошение помощника улясутайского *цзянь-цзюня* по усмирению пограничных территорий, в котором говорилось: «Население Хемчик-гольского хошуна увеличилось многократно. В связи с тем, что территория хошуна граничит с Россией и приходится [каждый день] решать многочисленные вопросы, но нет возможности напрямую их регулировать. Поэтому если, [Сын] Неба⁵ удостоит [их] милости и наградит печатью, то это пошло бы на пользу дела» [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 214. Л. 55]. Вопрос был положительно решен и по аналогии Управы *бугдийн-дарга* Хубсугул-нуурских урянхайцев, которые получили самостоятельность в 1878 г., была создана Управа *бугдийн-дарга* хошуна Хемчикгольских урянхайцев (тувинцев. — А. С.). Но юридическое оформление затянулось в связи с тем, что правило распорядка Управы Хубсугул-нуурского хошуна было утеряно (также хотели составить по их примеру). Тогда в 1902 г. обратились в Лифаньюань и только после этого отправили через Министерство чинов нужную бумагу на маньчжурском и монгольском языках [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 214. Л. 55].

Знаки отличия княжеского достоинства — коралловый шарик⁶ и печать — Хайдып получил в Улясутае. Свидетелем этого стал Ф. Я. Кон, который встретился с ним во время своей экспедиции в Туву. «Совершенно иначе, чем амбын-нойон и все другие „огурды“, держал себя „огурды“ Та-хошуна (по р. Кемчику), как раз во время моей экспедиции добившийся коралловой шишки — высшего чина в Сойотии, не подчинявшийся амбын-нойону, хотя *de jure* обязанный ему подчиняться, но добивавшийся и юридического оформления самостоятельности и непосредственного подчинения ему Та-хошуна» [Кон 2014б: 446–448].

Как писал В. М. Родевич, «получив опору в местных китайских купцах, он (Хайдып. — А. С.) начал хлопоты в Улясутае о дальнейшем возвышении, истратив до 60 000 лан серебра (около 90 000 руб.) на подарки, получил знаки независимости княжеского достоинства — красный шарик и

перо на шапку, так что под титулом „ухери-ды“ (князя) Хайдуб стал уже соправителем Амбын-нойона в Урянхае, владея большей частью Кемчикских родов» [Родевич 2014а: 373]. Эти огромные суммы Хайдып брал в кредит у китайских и русских фирм: «При исключительном содействии нескольких русских и их крупных факторий, — писал один русский торговец, — он и приобрел ту *деревянную* шишку, которая закружила ему голову, видимо судьбой намеченную под веревку или плаху, а может быть и к иной высокой доле» [НМ. П. 49. Д. 48. Л. 16].

Объединение двух хемчикских хошунов

Известно, что 17 тувинских отоков (Бэ-эзи хошун), кочевья которых располагались также на Хемчике, управлялись монгольским даргой, которые занимались «сбором поборов в пользу своих князей, вершили суд и расправу, контролировали деятельность управителей сумонов из тувинцев» [Маннай-оол 1986: 93]. Поскольку Хемчикский (Даа) хошун и 17 отоков делились по родоплеменному строю, то их кочевья располагались «то чересполосно, то по соседству, то смешанно» [Маннай-оол 1986: 92].

В 1901 г. *дзайсаны* 17 тувинских отоков, которые находились в подданстве *бей-се* Сандагдоржи Сайн-нойоновского аймака Монголии, подали прошение маньчжурскому чиновнику Яшибуну о своем желании войти и «подчиниться Управе *бугдийн-дарга* Хемчикского хошуна» [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 214. Л. 2]. Но для положительного ответа цинские власти потребовали внести определенную сумму денег, чего те не смогли сделать сразу.

«Желание» *дзайсанов* 17 отоков возникло не без влияния Хайдыпа, следующим шагом которого стало территориальное расширение своего хошуна. Об этом свидетельствует то, что в 1903 г. монголы в лице *дарги* Тормонха выразили протест, напомнив Хайдыпу о том, что в прошлом его хошун и 17 тувинских отоков «по указу маньчжурского императора Канси были отданы в награду за особые заслуги ойратскому вану Данзан-Равдану. Им разрешили оставаться на своих кочевьях, которые расположены чересполосно. Многие годы следовали этому указу и существовали мирно и спокойно. А Хайдып в одно мгновение самовольно захотел разрушить устоявшуюся жизнь». В конце своего письма он напомнил о строгом наказании за нарушение «Высочайшего указа» [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 214. Л. 73].

⁵ Имеется в виду китайский император.

⁶ Коралловый шарик на верхушке шапки носили чиновники первого класса.

Только к 1908 г. смогли собрать и оплатить нужную сумму и 17 тувинских отоков были включены в Управу Хемчикского хошуна Тувы. Как писал В. М. Родевич, «в 1908 г. новыми подарками Улясутайскому *цзянь-цзюню* на сумму 17 000 лан серебра Хайдуб подчинил себе и Бесъ-хошун (на Кемчике)» [Родевич 2014а: 373]. Р. М. Кабо поясняет: «Для этих подарков он (Хайдуп. — А. С.) наделал долгов у китайских купцов. Долги эти разложили на весь хошун, который должен был выплачивать в год китайским купцам около 200 000 руб. просроченных долгов и невероятных процентов на них» [Кабо 2014: 438].

Асбест

В начале XX в. на Хемчике случайно были открыты залежи асбеста. Взяться за его разработку изъявили желание две компании: русская и французская. «Одна из них попыталась заполучить право на разработку ак-товуракских асбестовых месторождений через посредство русских пограничных властей, другая — через китайское правительство» [Дулов 1956: 284–285].

В 1906 г. на Хемчике для добычи асбеста на г. Эдегей появилась экспедиция во главе с Усинским пограничным начальником, статским советником В. А. Александровичем и горным инженером Минусинского округа Волконским. Хайдуп направил своих чиновников с целью узнать об их намерениях. Как свидетельствуют архивные документы, всего русских было 23 чел., а их оборудование и инструменты помещались в трех телегах и на двух лошадях. При встрече с тувинскими чиновниками В. А. Александрович заявил о своем намерении начать разработку асбеста на г. Эдегей. Далее он предъявил торговые билеты из 14 листов. В ответ на это тувинская сторона заметила, что предъявленные документы дают право только торговать, но никак не вести разработку асбеста. Чиновники написали протест русским властям [ГАРГ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 144. Л. 47]. В результате Усинский пограничный начальник В. А. Александрович был отстранен от работы за разжигание конфликта между русскими и тувинцами, а также за превышение своих должностных полномочий.

Также Хайдуп встал против разработки залежей асбеста по Хемчику французами, «пренебрегая законностью концессии на это

дело, полученной французской компанией в Пекине и Улясутае, за что и поплатился штрафом до 5 000 руб. Хайдуп не скрывал при этом, что он боится за свой народ, который будет мало-помалу отнесен и подавлен, если допустить прочное оседлое основание среди него европейских колонистов» [Родевич 2014а: 372].

Царская дипломатия предпринимала меры, чтобы убрать Хайдупа. Российский посланник в Пекине И. Я. Коростовец, проявляя осторожность по данному вопросу и прекрасно осознавая, что накал страстей может навредить им самим, поскольку китайская сторона в любой момент может поставить вопрос о русской колонизации Тувы, предложил консулу в Улясутае А. Вальтеру переговорить с *цзянь-цзюнем* «на предмет увольнения *Ухэриды* Хайдуба (Хайдупа. — А. С.) и его помощника». Об этом И. Я. Коростовец доложил Иркутскому генерал-губернатору А. Н. Селиванову в секретной телеграмме от 2 марта 1907 г. [НМ. П. 49. Д. 48. Л. 37].

Конфликт на Хемчике

С 1820-х гг. в районе Хемчика начинают появляться первые русские переселенцы, после подписания Пекинского договора в 1860 г. в Туву стал проникать российский торговый капитал. Согласно ст. 4 указанного договора, «на протяжении всей граничной линии, <...> дозволяется свободная и беспошлинная меновая торговля между подданными обоих государств. Местные пограничные начальники должны оказывать особое покровительство этой торговле и людям, ею занимающимся» [Очерк старых и новых договоров России с Китаем 1861: 72].

В начале XX в. на Хемчике насчитывалось уже свыше 90 факторий и заимок. По оценке В. И. Дулова, основное большинство их жителей составляли казанские татары [Дулов 1952: 467]. Рост захвата земель российскими торговцами и золотопромышленниками, взаимные обвинения в грабежах, избиениях, многочисленные факты коллизий, раздоров из-за строительства домов, вырубки леса, сенокоса, а также долговая зависимость большей части тувинского населения привели к русско-тувинскому конфликту.

В апреле 1908 г. Хайдуп провел совещание с участием чиновников двух хошунов, а

также русских⁷ и китайских торговцев, где обсуждался и вопрос «о положении русских на Кемчикских кочевьях». Договорились, что с тувинской стороны создают благоприятную, дружественную обстановку китайцам и русским, а они, свою очередь, далее продолжают торговать. Тувинские чиновники взяли на себя обязательства придерживаться установленных порядков и строго управлять своими подданными аратами [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 152. Л. 118]. Китайские же торговцы с этого момента должны были получать разрешения на торговлю в ставке правителя хошуна, а также торговать только в пределах ставки [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 292. Л. 42]. Кроме того, было решено выселить российских подданных, не имеющих разрешения (свидетельства) на нахождение на территории Тувы, но выдворение отложили до наступления зимнего периода, когда откроется дорога по р. Хемчику [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 152. Л. 84]. Также необходимо было урегулировать данную проблему с цинскими властями.

В июле того же года семеро русских по заданию Усинского пограничного начальника произвели межевание земель и поставили землемерные знаки на спорной территории. В декабре Хайдып приказал своим чиновникам убрать их, а в верховьях рек Ус, Серлих, Темир-суг, Ижим и других местах выставить пикеты (караулы). Это на некоторое время парализовало движение «русских торговых караванов и купцов, следовавших частью в Монголию, частью на русские прииски и деревни» [НМ. П. 49. Д. 48. Л. 30]. Но командированный в Усинск полковник Генерального штаба В. Л. Попов приказал русским казакам разыскать и снять все выставленные пикеты.

Осенью 1908 г. Хайдып «по вызову Цзянь-цзюня ездил в Улясутай и, возвратясь оттуда 6 или 7 ноября, вскоре же дал своим чиновникам письменное распоряжение, чтобы все русские торговцы выехали с Кемчика, вывезли все свои товары и имущество, а заведения продали урянхам» [цит. по: Дулов 1952: 368]. При этом он дал всем трехдневный срок. Хайдып вопреки принятому решению разрешил остаться только четырем российским торговцам — В. Вавилину, Ф. Медведеву, Г. Валееву и М. И. Бякову, но взял с них подписку о том, что «их недвижимое имущество по закрытии торговли

будет передано Кемчикскому хошуну в собственность» [НМ. П. 49. Д. 48. Л. 30].

В это время в Пекине с разницей в один день умерли император Гуансуй и его мать Цыси. Кроме того, сменился улясутайский *цзянь-цзюнь*, который во многих вопросах поддерживал Хайдыпа, и все эти обстоятельства привели к накалу политической обстановки в Туве.

Для регулирования данной проблемы с российской стороны были задействованы Усинский пограничный начальник, Иркутский генерал-губернатор, дипломатический корпус в Пекине и Улясутае, агенты, а также военные круги.

На действия правителя Хемчикского хошуна Усинский пограничный начальник А. Х. Чакиров отправил дружественную ноту Хайдыпу, в которой напомнил, что «русские, проживающие на Кемчике, Чжакуле (Чаа-Холе), Монголии и других местах, ведут себя, строго руководствуясь трактатами и договорами, содержание которых вкратце изложено на имеющихся у них на руках билетах пограничных, и своим поведением никто из них не давал и намека на нарушение трактатов» [НМ. П. 49. Д. 48. Л. 3].

12 декабря 1908 г. Хайдып в ответном письме сообщил о том, что, понимая всю сложность данного вопроса и предполагая возможные жалобы со стороны русских, разъяснил своим чиновникам постараться обойтись без громких скандалов и раздоров. Кроме того, Хайдып уверил А. Х. Чакирова в том, что все долги, а также стоимость недвижимости (домов) русских в кратчайшие сроки будут возмещены.

Хайдып понимал, что вопрос о долгах перед русскими станет камнем преткновения. Прибывший специально для этого чиновник Усинского пограничного управления по фамилии Горелов вместе с *даргой* Дамбой и *дзаланом* Нямжавом в течение трех месяцев (с 10 ноября 1908 до 11 февраля 1909 гг.) провели совместные тувинско-русские *чыыши* (судебные заседания), в результате чего удалось закрыть большую часть долгов, а по оставшейся сумме в размере 1 964 целковых и 30 коп. было решено позднее также отдельно собраться [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 152. Л. 119–120].

Царские власти боялись, что примеру Хайдыпа последуют и другие тувинские хошуны. Поэтому они стремились усилить свое влияние в Туве, но при этом действова-

⁷ В архивных документах указывается имя Дениса Боярского и др.

ли через своих агентов и русских торговцев, не предпринимая дипломатических и военных мер.

А. Х. Чакиров обратился к русским купцам, которые выступали еще и в качестве агентов российского правительства: Г. П. Сафьянову, Р. Вавилину, Н. М. Черневичу. В частности, Г. П. Сафьянову «как живущему среди урянхов, обязанных [ему] материально», предлагалось негласно выяснить «настроения урянхов к русским; объяснить им, <...> что вот-де, мол, в Китае смута, <...> а быть может, перейдут и в подданство Белого царя, а следовательно, и урянхи будут освобождены от ига и податей» [НМ. П. 49. Д. 48. Л. 4]. В своем донесении Г. П. Сафьянов писал, что «здешние урянхи трех хошунов относятся по прежнему дружелюбно ко мне и вообще к русским, как будто ничего не знают» [НМ. П. 49. Д. 48. Л. 8]. Примерно такого же содержания донесение отправил Р. Вавилин. Он сообщил, что с оставленных четырех торговых фирм «...предназначено взимать за право пользования выпасами и лесом на дрова и постройки известную сумму, по определению назначенную съездом чиновников этих хошунов» [НМ. П. 49. Д. 48. Л. 12].

Также царская дипломатия незамедлительно обратилась к улясутайскому *цзянь-цзюню*. Представитель МИД России А. Долбежев в своем письме выразил сомнения в том, что распоряжение о выдворении русских торговцев из Тувы мог издать «почтенный чиновник» (имея в виду *цзянь-цзюня*), считая, что это проделки только Хайдыпа, «который не желает признавать власти самого *цзянь-цзюня*, о чем я считаю долгом сообщить». Далее он сформулировал четыре пункта требований к улясутайскому *цзянь-цзюню*. Он предлагал командировать на Хемчик чиновника, который «на месте должен приказать Хайдыпу отменить его незаконные распоряжения касательно притеснения русских торговцев», а также вернуть все расписки, по его мнению, насильно собранные с русских. В противном случае русские власти грозились вызвать на границу казаков «для защиты русскоподанных» [НМ. П. 49. Д. 48. Л. 22].

После принятия всех возможных мер российским властям удалось отсрочить выдворение. Однако со всех русских торговцев были взяты письменные расписки о том, что следует «закончить всякие дела в сорок дней и выехать навсегда в Россию» [НМ. П. 49. Д. 48. Л. 30].

И. Я. Коростовец, по предписанию Иркутского генерал-губернатора А. Н. Селиванова, написал протест в Министерство иностранных дел Китая. В нем царский посланник выразил неудовлетворение действиями улясутайского *цзянь-цзюня*, по распоряжению которого было принято решение о выселении русских. Поскольку в самом Китае сложилась сложная обстановка в связи с вышеуказанными событиями, то цинские власти в своем ответе не стали обострять проблему, а лишь выразили желание «установить законные рамки» для проживавших в Туве русских.

Царский посланник, понимая нежелательность осложнения данного вопроса, предложил своим властям разрешить его в рамках предложений китайской стороны, т. е. выдать русским свидетельства через консульство в Улясутае. «Тогда весь вопрос, — писал он, — в значительной мере потерял бы важность и разрешился бы сам собою».

Вслед за действиями представителей дипломатических кругов для регулирования данной проблемы подключился и В. Л. Попов, который потребовал от Хайдыпа представить текст распоряжения с печатью от цинских властей. «Тогда я прикажу, — писал В. Л. Попов в своем послании, — немедленно русским выехать с Кемчика». Если же его нет, то следует «всем русским, без всякого исключения», имеющим разрешения, как прежде вести торговлю [НМ. П. 49. Д. 48. Л. 25].

В своем ответном письме Хайдып обратил внимание на тот факт, что он с первого года своего назначения, т. е. с 1895 г., регулярно отправлял письма Усинскому пограничному начальнику с требованием выселять русских и татар, не имеющих разрешений (в тексте — сеющих беспорядок, волнение). «В нашем Хемчик-гольском [хошуне], — писал он в своем письме, — русские расселились в Шаган-Арыге, Дон-Тереке, Чаа-Холе, Хая-Бажы, Чанагаше, Шеми, Чыргакы, Аянгаты, Чер-Чарыке, Чыдыг-Кара-Суге, Кызыл-Тайге, Эдегее, Ак-хеме, Ишкин-хеме и др. местах». Кроме известных нам четырех российских торговцев, разрешения имели Е. Бяков, И. Монастыршин, Д. Боярский, В. Ширяев, А. Никулин, В. Пистонов, А. Шакунов и др., в общей сложности 13 чел., а вместе с женами, детьми и компаньонами составляли 45 чел. «Не имеющих торговых билетов русских

обоего пола 132 чел.» [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 152. Л. 120–120об]. Как подчеркивал в своем письме Хайдып, непростая ситуация, сложившаяся в его хошуне, связана с участвовавшими случаями воровства тувинцами скота у русских и дербетов, а проникновение китайских торговцев в Туву и их конкуренция с русскими еще более ее усложнили. Также он обратил внимание на то, что подданные его хошуна тайно продают русским албанский соболь, что запрещено законом (см.: [Самдан 2016: 39]. «Тувинцы выращивают четыре вида скота и в год четыре сезона кочуют в поисках „воды и травы“, а действия русских и китайцев приводят к истощению пастбищ», — писал Хайдып [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 152. Л. 120–121об].

Таким образом, основными претензиями Хайдыпа были: активное строительство российскими торговцами домов, лавок, несанкционированная вырубка леса, огораживание сенокосных мест, т. е. то, что шло вразрез с договорами и трактатами.

Меры, предпринимаемые русскими, возымели успех. В Туву дважды, 19–24 декабря 1908 г. и 1–11 января 1909 г., для разбирательства жалоб русского консула приезжали чиновники из Улясутая [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 292. Л. 23]. И оба раза встречались с Хайдыпом. Китайские чиновники встали на сторону Хайдыпа, посчитав верными все его доводы. По результатам инспекции было решено приостановить выдворение русских и провести совместное совещание. О принятом решении было сообщено А. Долбежеву. Весной 1909 г. прибыл чиновник Усинского пограничного округа, но он заявил *мээрэну* Комбу и Сурену о том, что он не уполномочен решать вопрос проживания русских и татар на Хемчике и уехал обратно [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 292. Л. 26об].

Смерть Хайдыпа

Хайдып внезапно заболел 2 апреля 1909 г. Все предпринятые врачами меры не дали результата, и он умер утром 12 апреля того же года [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 292. Л. 14]. Его похоронили только через 9 дней, поскольку шло строительство «башни-кумирни» на возвышенном месте, откуда как на ладони видно Верхне-Чаданское хурээ, построенное по его инициативе и активному участию.

Его смерть вызвала много слухов и пересудов. Высказывались версии, что его отравили русские или убежал (зачем и куда?), а то и вовсе принял монашество и «уже под

другим именем проживает где-либо в монастыре» [НМ. П. 49. Д. 48. Л. 40]. Скоропостижная смерть Хайдыпа, последующее изменение политической ситуации в Туве свели на нет данный конфликт.

Выводы

Хайдып был десятым правителем Хемчикского хошуна. За четырнадцать лет своего правления ему удалось не только взять свой хошун в самостоятельное управление, но и территориально расширить его. Экономическая привлекательность, природное богатство, русская колонизация — все это в совокупности обострило не без того сложную ситуацию в отдельно взятом хошуне Тувы. И Хайдып на некоторое время стал ключевой фигурой в этой геополитической обстановке.

Источники

ГАРТ — Государственный архив Республики Тыва.
НМ — Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.

Литература

- Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 607 с.
- Кабо Р. М. Очерки истории и экономики Тувы. Дореволюционная Тува // Урянхай. Тыва дептер. Т. 6. М.: Слово, 2014. С. 352–575.
- Кон Ф. Я. Усинский край // Урянхай. Тыва дептер. Т. 4. М.: Слово, 2014а. С. 262–347.
- Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию // Урянхай. Тыва дептер. Т. 4. М.: Слово, 2014б. С. 348–547.
- Маннай-оол М. Х. Тува в эпоху феодализма. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1986. 193 с.
- Непомнин О. Е. История Китая. Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.
- Очерк старых и новых договоров России с Китаем / сост. М. Венюков. СПб.: Типогр. В. Безобразова и комп., 1861. 95 с.
- Родевич В. М. Очерк Урянхайского края // Урянхай. Тыва дептер. Т. 3. Кызыл: Тываполиграф, 2014а. С. 342–542.
- Родевич В. М. Урянхайский край и его обитатели // Урянхай. Тыва дептер. Т. 3. Кызыл: Тываполиграф, 2014б. С. 542–584.
- Самдан А. А. Система налогообложения в Туве в период нахождения в составе Цинской империи // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 38–43.

Sources

- GA RT – *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tyva* [The State Archive of Tyva Republic]. F. 115. Op. 1. D. 90, 144, 152, 158, 214, 292 (In Russ.).
- NM PT – *Natsionalnyy muzey im. Aldan–Maadyr Respubliki Tyva* [The Aldan–Maadyr National Museum of the Tyva Republic]. P. 49. D. 48 (In Russ.).

References

- Dulov V.I. *Sotsial'no–ekonomicheskaya istoriya Tuvy. (XIX—nachalo XX v.)* [A socio-economic history of Tuva: the 19th – early 20th cc.]. Moscow, 1952, 607 p. (In Russ.).
- Kabo R.M. *Ocherki istorii i ekonomiki Tuvy. Dorevolutsionnaya Tuvy* [Sketches on the history and economy of Tuva. Records management in Tuva]. *Uryankhai. Tyva depter. T. 6* [An anthology of Tuvan history. Vol. 6]. Moscow, Slovo Publ., 2014, pp. 352–575 (In Russ.).
- Kon F.Ya. *Ekspeditsiya v Soyotiyu* [An expedition to Soyotia]. *Uryankhai. Tyva depter. T. 4* [An anthology of Tuvan history. Vol. 4]. Moscow, Slovo Publ., 2014, pp. 348–547 (In Russ.).
- Kon F.Ya. *Usinskiy kray* [Usinsky Krai]. *Uryankhai. Tyva depter. T. 4* [An anthology of Tuvan history. Vol. 4]. Moscow, Slovo Publ., 2014, pp. 262–278 (In Russ.).
- Mannay–ool M.Kh. *Tuva v epokhu feodalizma* [Tuva in the age of feudalism]. Kyzyl, Tuvan Book Publ., 1986, 193 p. (In Russ.).
- Nepomnin O.E. *Istoriya Kitaya. Epokha Tsin. XVII—nachalo XX veka* [History of China. The Qing era: the 17th – early 20th cc.]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2005, 712 p. (In Russ.).
- Ocherk starykh i novykh dogovorov Rossii s Kitaem / sost. M. Venyukov* [An outline of old and new Russia-China treaties. Comp. by M. Venyukov]. St. Petersburg, V. Bezobrazov and Co. Press., 1861, 95 p. (In Russ.).
- Rodevich V.M. *Ocherk Uryankhayskogo kraya* [A sketch of Tannu Uriankhai]. *Uryankhai. Tyva depter. T. 3* [An anthology of Tuvan history. Vol. 3]. Kyzyl, TYVAPOLIGRAF Publ., 2014, pp. 342–542 (In Russ.).
- Rodevich V.M. *Uryankhayskiy kray i ego obitateli* [Tannu Uriankhai and its inhabitants]. *Uryankhai. Tyva depter. T. 3* [An anthology of Tuvan history. Vol. 3]. Kyzyl, TYVAPOLIGRAF Publ., 2014, pp. 542–584 (In Russ.).
- Samdan A.A. *Sistema nalogooblozheniya v Tuve v period nakhozhdeniya v sostave Tsinskoy imperii* [Tuva under the Qing rule: the tax system]. *Vestnik KIGI RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2014, No. 4, pp. 38–43 (In Russ.).

УДК 94 (18Тув)

РУССКО-ТУВИНСКИЙ КОНФЛИКТ 1908 г.

Аяна Анай-ооловна Самдан¹

¹ кандидат исторических наук, заведующая сектором, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (Кызыл, Российская Федерация). E-mail: samayana@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе архивных материалов на русском и монгольском языках изучен жизненный путь одного из известных исторических личностей Тувы — Хайдыпа (1859–1909), правителя Хемчикского хошуна, религиозного и политического деятеля. Раскрыты основные моменты, приведшие к русско-тувинскому конфликту. О религиозной деятельности Хайдыпа подробно написала в своих работах М. В. Монгуш, хотя и требуется много уточнений, но на этом мы не будем останавливаться. Хайдып был десятым правителем Хемчикского хошуна. За четырнадцать лет своего правления ему удалось не только взять свой хошун в самостоятельное управление, но и территориально расширить его. Экономическая привлекательность, природное богатство, русская колонизация — все это в совокупности обострило не без того сложную ситуацию в отдельно взятом хошуне Тувы. И Хайдып на некоторое время стал ключевой фигурой в этой геополитической обстановке.

Ключевые слова: Хайдып, правитель хошуна, конфликт, русские торговцы, дипломатия, цинские власти.